

Внутрипартийный контроль ВКП(б) в борьбе с хулиганскими проявлениями в среде коммунистов. 1920-е – начало 1930-х гг.

Игорь Григорьевич Иванцов

Майкопский государственный технологический университет, Россия
385140, РА, пос. Яблоновский, ул. Связи, 11.
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: IG23@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается своеобразная политика властей в лице комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б) по искоренению хулиганских и антисоциальных проявлений в среде членов партии.

Ключевые слова: комиссии внутрипартийного контроля, нормы общественной морали, произвол, судебное дело, хулиганство, чистка.

УДК
94(47+57)

На протяжении 1920-х годов хулиганские компании с присущей им субкультурой были довольно характерным элементом советской повседневности. В годы НЭ-Па хулиганство достигло степени национального бедствия, фигура хулигана стала своего рода визитной карточкой советского города того времени. В 1930-е и последующие годы ситуация менялась, но проблемы, связанные с хулиганством молодежи в городах, тем не менее, остроты не теряли. Исследователи советского периода, изучающие общество тех лет, только подступают к освещению того, в какой же все-таки мере сложившаяся обстановка способствовала распространению антисоциального поведения, выражавшегося в различного рода хулиганских проявлениях, пьянстве, воровстве, безнравственном отношении к женщине и т.д.

Подобные явления были присущи и членам правящей в стране партии ВКП(б). Горицкий Василий Порфирьевич, 1906 г.р., рабочий, член ВКП(б) с мая 1932 года, партийным коллективом цементного завода «Победа Октября» 11 февраля 1933 года был исключен из ВКП(б) «за сокрытие при вступлении в партию факта своего участия в шайке «Золотая рота», как они сами себя называли. Расследование Новороссийской городской КК (контрольной комиссии) ВКП(б) подтвердило эти факты.

Горицкий действительно был активным участником организованной хулиганской группы, действовавшей в 1926 году по большей части в станице Раевской. Группа занималась воровством домашней птицы, пьянством и преследованиями девушек. За участие в хулиганских похождениях Горицкий в 1926 году был осужден на 3 месяца принудительных работ.

Преследовать его не стали за сроком давности. Учитывая то, что он раскаивался в ранее содеянном, Новороссийская городская КК дело прекратила и в партии его восстановила [1].

Пьянство, пренебрежение нормами общественной морали и поведения были характерны для некоторых коммунистов 1930-х годов.

Афанасьев Петр Лаврентьевич, 1903 г.р., член ВКП(б) с 1927 года, служил фельдъегерем при фельдсвязи Туапсинского райуправления НКВД. В мае 1934 г. за пьянство во время командировки в г. Сочи ему был объявлен выговор. Затем он ушел в отпуск, пьянствовал (в г. Туапсе), хулиганил, стрелял в воздух из служебного пистолета, пугая случайных прохожих. Органы НКВД оружие у него отобрали. За хулиганские действия из партии был исключен [2].

Сенчук Матвей Григорьевич, 1891 г.р., кандидат ВКП(б) с 1931 года, уполномоченный Туапсинского отдела ОГПУ, будучи в гостях у члена ВКП(б) Жильцова (за-

тем тоже исключенного из партии), близ сортировочной станции г. Туапсе, напился до «бессознательного положения». Затем вышел на улицу и стал стрелять из служебного револьвера, пугая прохожих. На заседании комиссии по чистке сначала все отрицал, но поскольку были свидетели, то в итоге он во всем чистосердечно признался, раскаялся. В итоге был переведен из кандидатов ВКП(б) в сочувствующие [3].

Кудряшов Алексей Михайлович, 1909 г.р., член ВКП(б) с 1932 года, образование низшее, будучи председателем сельпо (Анапский район), систематически пьянствовал, в пьяном виде ходил с обнаженным наганом, бесцельно арестовывал колхозников. За что, собственно, из партии был исключен решением комиссии по чистке, 10 ноября 1934 года [4].

По данным всесоюзной переписи 1926 г. горожанами являлась примерно пятая часть жителей СССР, следовательно, 80 % жили в сельской местности. Страна оставалась в основном крестьянской, сельской и через 5-10 лет. На село пришла основная тяжесть политики создания колхозов и совхозов, предусматривавшая среди прочих целей коллективизации искоренение частной собственности, духа стяжательства и накопительства, других пороков частнособственнической психологии. Ломка сложившегося векового уклада и бытовых традиций обернулась мучительным процессом раскрестьянивания, отчуждения труда. В деревне стала проявляться нездоровая, криминальная обстановка, обострились распри между различными группировками, обычным стало доноительство. Голод 1932–1933 годов, массовые беззакония времен второй пятилетки усугубили все противоречия, способствуя разжиганию низменных инстинктов.

Индустриализация и коллективизация вызвали в СССР серьезные и неуправляемые миграционные процессы, что привело к активизации уголовной преступности в самых опасных ее формах — бандитизма, криминальных убийств. Эти же процессы в немалой степени способствовали распространению пренебрежительного отношения к человеческому достоинству и таких преступлений, как хулиганство, грабежи, воровство,

Из донесения начальника политотдела Гулькевичской МТС Морозова в Кубанский оперативный сектор ОГПУ (март 1933 года): «В зоне ответственности МТС воровство продуктов, коров, кур. Зачастую это просто вооруженный грабеж. Воры вооружены обрезками и дробовиками. Окраинные совхозы терроризируются. Зам. начальника политотдела МТС, Казаков, организовал конные разъезды для их охраны. В село Гулькевичи (которые являются крупной железнодорожной станцией) «понаехало всякого элемента, летунов и без документов, живущих в пустых домах и т.д., которые часть арестована, а большинство проживает, скрываясь, что требует немедленной их отправки (на старое место жительства), о чем нами приняты меры по договоренности с райкомом» [5].

Из решения бюро крайкома ВКП(б) от 5 апреля 1933 года: «В виду продолжающихся, несмотря на указания Крайкома от 16 февраля фактов самовольного принятия решений о выселении за пределы края, выселении из домов, лишения усадеб единоличников и колхозников, с занесением на черную доску, прекращения завоза промтоваров, роспуска колхозов и бригад, еще раз разъяснить (исполнителям на местах), что этого рода меры могут применяться только с санкции крайкома, крайисполкома и крайсевкома» [6]. Решение было подписано секретарем северокавказского крайисполкома Б.П. Шеболдаевым.

Голод, развал колхозной системы, произвол сельских органов власти и милицейский произвол способствовали бегству людей с мест своего жительства. Появление в огромных количествах изгоев, беглых людей было спровоцировано самими властями, их недальновидной политикой.

В Ловленском сельсовете Крпоткинском района 18.07.1932 года в участке милиции, с одобрения и при активном участии председателя сельсовета, секретаря

сельского партколлектива, председателя секции РКИ и милиционеров, были избиты 10 человек. Такими методами с них взимали налоги и распространяли среди них облигации госзайма [7]. Дела этих исполнителей были переданы в прокуратуру. Но ведь они фактически выполняли распоряжения властей. В октябре того же года президиум Кропоткинской районной КК-РКИ объявил: «Невыполнение планов по заготовкам и севу теперь будет рассматриваться как тяжкое преступление перед партией и правительством и прямое пособничество врагу-кулаку» [8].

Власть требовала любым путем изымать продналог. Но когда его получали вышеупомянутыми методами и это становилось достоянием общественности, власть отрекалась от исполнителей, разъясняя, что распоряжения были неправильно поняты, неверно истолкованы и т.д. А исполнители зачастую шли под суд за «перегибы».

Конечно, многие работники прокуратуры и суда пытались сдерживать произвол партийной бюрократии, запрещали конфискацию хлеба и имущества зажиточных граждан в наиболее вопиющих случаях [9]. Однако власти не собирались такое терпеть. В кубанских округах окружные прокуроры подвергались притеснениям в своей деятельности, а затем и смещались со своих постов за расследования издевательств партийных функционеров над крестьянами и за их (весьма обоснованные и ими заслуженные) аресты. Один из следователей кубанского окружного суда был наказан за сбор показаний о безобразиях и бесчинствах местных партийных работников [10].

Такое обращение с сельскими тружениками далеко не способствовало воспитанию законопослушности, а вызывало порой жесткие ответные реакции, сопровождаемые волной бандитизма, грабежей колхозного имущества.

Неспокойную обстановку еще более накаляли ретивые исполнители. В станице Лабинской на местном базаре хлебобоб, имея все разрешительные документы, торговал продуктами. К нему подошел милиционер и заявил, что конфискует у него весь товар, как у спекулянта. Свой товар станичник не отдавал и в завязавшейся драке был милиционером застрелен. Свидетели убийства пришли в ярость и начали ловить по всему базару убежавшего от них милиционера-душегуба. Возбужденная толпа разгромила комендатуру, жестоко избива всех попавших под руку милиционеров, над которыми пытались совершить самосуд. Толпа с трудом была успокоена. Дело взял под свой контроль президиум Лабинской районной КК. В результате с должности был снят начальник районного административного отдела [11].

Вседозволенность зачастую приводила к распущенности, развращала должностных лиц. Так, Г.И. Попов, коммунист, участковый инспектор милиции, в 3 часа ночи (17 сентября 1931 г.), в сильно пьяном виде посетил Ильинский сельсовет Новопокровского района. Там он избил наганом и обругал часового арестного помещения сельсовета, из которого вывел принудработника [12], которого тоже избил наганом, угрожая его пристрелить. Продолжая пьяный кураж, завернул во двор сельсовета подводы, на которых рано утром единоличники-середняки везли хлеб на элеватор. Наводил на них наган, угрожал расстрелом, сопровождая все это площадной бранью. Президиум районной КК объявил ему строгий выговор, снял с работы инспектора с переводом в младшие милиционеры и переброской в другую станицу. Но партколлегия краевой КК отменила это решение, исключив Г.И. Попова из ВКП(б). Районному прокурору было предложено привлечь его к уголовной ответственности [13].

Из секретного спецдонесения в райком ВКП(б) уполномоченного ОГПУ по Кропоткинскому району, от 14.10 1934 г.: «В ночь с 19 на 20 сентября 1934 года, в селе Гулькевичи, к колхознику Брагину Ивану Александровичу, через крышу дома забрались трое грабителей и, угрожая винтовочным обрезом, забрали 192 метра мануфактуры, облигации разны займов, принадлежащих колхозу, 700 рублей денег. Всего на 2000 рублей. Связали Брагина, его жену, мать и скрылись» [14].

На заседании бюро Кропоткинского районного комитета ВКП(б) 7 марта 1935 года был заслушан вопрос «Сообщение товарища Васильева о хулиганстве по

станции Кавказской и убийстве колхозника». По сути заслушанного было постановлено следующее:

1. Указать на недопустимую медлительность прокуратуры в оформлении судебных дел по хулиганству, в частности по делу об избииении парторга совхоза «Пролетарий» Ежкова и временно исполнявшей обязанности парторга в колхозе «Волна Революции» Волковой.

2. Объявить выговор судье Бронникову за формально-бюрократическое отношение к борьбе с хулиганством, задержку рассмотрения связанных с этим видом преступлений дел.

3. Принять к сведению сообщение начальника НКВД, что инспектор милиции станции Кавказской привлекается к судебной ответственности за бездеятельность в борьбе с хулиганством, за вручение оружия несовершеннолетним исполнителям, которым был убит колхозник.

4. Поручить прокурору немедленно расследовать и привлечь к уголовной ответственности лиц, виновных в краже с (трупа) убитого колхозника одежды в городской больнице г. Кропоткина.

5. В связи с непрекращающимися случаями хулиганства, воровства, убийств, принимающих политическое значение, поручить тов. Анкерман разработать к следующему заседанию бюро РК ВКП(б) практические мероприятия по борьбе с преступностью и по охране станиц и города [15].

При краснодарской артели «Швейник» имелся магазин, охраняемый сторожем Осиповым – инвалидом II группы, у которого была парализована вся правая сторона тела. 17 апреля 1934 года во двор артели проникли неизвестные, которые и обворовали магазин на сумму 751 рубль. Воров не нашли. Но председатель артели Александр Николаевич Зайцев был осужден на шесть месяцев исправительно-трудовых работ, по месту работы, с отчислением 10 % заработка в счет погашения ущерба от воровства, по ст. 319 УПК СССР и ст. 111 УК. В вину ему было поставлено, что он не обеспечил охрану магазина и двора артели трудоспособными членами артели. Это несмотря на свой хороший послужной список: ранее не судимый, кандидат в члены ВКП(б) с 1931 года, рабочий, служил в Красной армии в 1918–1921 гг. [16].

А теперь случай хулиганства, так сказать, «особого», характерного именно для «тоталитарной» эпохи. Он может показаться даже смешным. Итак, действующие лица:

Иван Павлович Борман, 1903 г.р., член ВКП(б) с 1928 года, рабочий-слесарь, окончил семилетнюю школу. В красной армии служил с 1919 по 1925 год политруком. На момент возникновения дела был секретарем партийной ячейки села Марьевка Ейского района, затем инструктором Рыбтреста г. Ейска.

Василий Иванович Азенков, 1909 г.р., член ВКП(б) с 1929 года, рабочий, образование среднее. На момент возникновения дела был помощником начальника Политотдела Камышевской МТС.

И.П. Борман получил указание В.И. Азенкова изъять портреты тов. Сталина, которые были «художественно неправильно исполнены». Борман лично стал изымать портреты (всего два) в сельской школе и правлении колхоза с. Марьевка. Причем, как говорится в материалах расследования, «такими методами и способами, которые создали, вокруг этого вопроса антисоветские разговоры».

За такую исполнительность Борман решением Ейской районной КК ВКП(б) от 29.07. 1933 г. получил строгий выговор с предупреждением и был снят с должности, с запретом в течение двух лет занимать партийно-советские руководящие посты.

Видимо так произошло, что он сопровождал свои действия не совсем тактичными комментариями то ли в адрес изготовителей портретов, а может и того, кто на них изображался.

В.И. Азенкову за то, что, ориентируя Бормана о необходимости изъятия «художественно неправильно исполненных» портретов Сталина, он не разъяснил послед-

нему о необходимости обязательного соблюдения в этом вопросе соответствующего политического такта, было поставлено на вид. Вину свою он признал полностью [17].

Вообще официальные документы – один из самых надежных и убедительных источников. Однако их особенности (ограниченность проблематики, лаконизм, зачастую невозможность проверки результативности содержащихся в них директив и т.д.) делают желательным дополнить эти источники дополнительной информацией, хотя бы и на уровне предположений.

Из материалов дела невозможно понять, что же было с портретами. Рискнем предположить, что они просто были засижены мухами. А о том, какие опасности могут нести портреты правителей, засиженные мухами, хорошо поведал Я. Гашек [18].

С проявлениями хулиганства партийные органы боролись бескомпромиссно. В Азово-Черноморском крае в 1935–1936 годах была снята судимость с 20443 колхозников. Райкомиссии, решая вопрос о снятии судимости, главным образом исходили из соблюдения колхозником трудовой дисциплины и отношения к социалистической собственности. Характерно, что отказывали они в снятии судимости в некоторых случаях лишь хулиганствующему элементу [19].

Подводя итоги, можно сказать, что особым инструментом борьбы с хулиганско-уголовными проявлениями были партийные чистки. Всего в 1920-1930годы официально были проведены следующие чистки: 1) чистка советских и вузовских ячеек 1925 года; 2) чистка деревенских ячеек 1926 года; 3) генеральная чистка 1929–1930 годов; 4) генеральная чистка 1933 года; 5) генеральная чистка 1935–1936 годов; 6) чистка 1936–1939 годов.

Конечно, в первую очередь они были направлены против указанных явлений внутри ВКП(б). Однако во время чисток в поле зрения комиссий по чисткам попадали и многие беспартийные. Кроме того, партийные чистки проводились не только в указанные годы, они проводились непрерывно.

Еще одним методом контроля коммунистов являлся принцип публичности частной жизни. Степень свободы человека от вмешательства в его частную жизнь со стороны партийно-государственных и общественных организаций, должностных и других лиц стала зависеть от существующего в государстве и обществе политического режима. Утвердившийся большевистский режим не оставлял места для автономии частной жизни и безопасности человека. Стали привычными дела коммунистов, в которых рассматривались дела и жалобы на их «аморальное поведение». На партийных собраниях, заседаниях парткомов часто разбирали случаи супружеских измен, пьянства, бытового хулиганства. В частности, среди предложений, поступивших в ходе обсуждения проекта Устава партии были и такие: «член партии обязан постоянно проявлять самообладание и самодисциплину в личной жизни, во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, максимальную серьезность и ответственность в деле строительства подлинно социалистической семьи» [20].

Комиссии внутрипартийного контроля всегда считали, что участие в азартных играх есть первая ступень деградации члена ВКП(б) и перехода на скользкий уголовный путь. Членам партии (и ВЛКСМ) строжайше запрещалось играть в азартные игры. В начале 1928 г. вышел специальный циркуляр ЦКК ВКП(б), который предписывал всем КК на местах и всем местным организациям ВЛКСМ вести разъяснительную работу о недопустимости такого времяпровождения, а продолжающих после разъяснений посещать «казино», места игры в «лото» и т.д. привлекать к партийной и комсомольской ответственности [21]. Очень часто за организацию и участие в азартных играх, если об этом становилось известно, виновные исключались из партии [22].

Добавим, что учитывая специфику той эпохи, исключение из партии зачастую было равносильно судебному приговору, со всеми вытекающими последствиями.

Примечания:

1. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф.1180. Оп.1. Д.24. Л.1.
2. ЦДНИКК. Ф.652. Оп.1. Д.362. Л.30 об.
3. ЦДНИКК. Ф.652. Оп.1. Д.362. Л.47-47об.
4. ЦДНИКК. Ф.240. Оп.1. Д.95. Л.4.
5. ЦДНИКК. Ф.12556. Оп.1. Д.1. Л.6.
6. ЦДНИКК. Ф.12556. Оп.1. Д.1. Л.340.
7. ЦДНИКК. Ф.1725. Оп.1. Д.185. Л.9-12.
8. ЦДНИКК. Ф.1725. Оп.1. Д.211. Л.3.
9. ЦДНИКК. Ф.12. Оп.1. Д.115. Л.40., Ф.9. Оп.1. Д.899. Л.311, 314.
10. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.560. Л.127., Д.567. Л.179., Ф.9. Оп.1. Д.899. Л.311, 314., Ф.12. Оп.1. Д.115. Л.32., Ф.2816. Оп.1. Д.406. Л.16.
11. ЦДНИКК. Ф.10578. Оп.1. Д.11. Л.13, 38.
12. Принудработник – задолжавший, не выплативший налог. Содержались они в арестных помещениях (тюремного типа) сельсоветов, иногда до нескольких месяцев, принудительно отрабатывая на самых тяжелых работах свой долг. Основанием для принудительных работ являлось, как правило, соответствующее решение сельсовета.
13. ЦДНИКК. Ф.8277. Оп.1. Д.16. Л.68.
14. ЦДНИКК. Ф.1725. Оп.1. Д.341. Л.24-25.
15. ЦДНИКК. Ф.1725. Оп.1. Д.341. Л.17.
16. ЦДНИКК. Ф.10703. Оп.1. Д.73. Л.37.
17. ЦДНИКК. Ф.439. Оп.1. Д.72. Л.15.
18. Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. М., 1987. С.16.
19. Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар: Кн. Изд-во, 1993. С.444-445.
20. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 131. Д. 291. Л. 31.
21. Бюллетень ЦКК ВКП(б) – НК РКИ СССР и РСФСР. 1928. № 1. С. 50.
22. ЦДНИКК. Ф.9777. Оп.1. Д.25. Л.65.

Inner-Party Control of All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Struggle against Hooliganism among Communists in 1920s – Early 1930s

Igor G. Ivantsov

Maikop State Technological University
 11 Svyazi Str., Yablonovsky Poselok 385140, Republic of Adygeya
 PhD in History, Assistant professor
 E-mail: IIG23@yandex.ru

Abstract. The article deals with peculiar politics, implemented by the authorities, represented by Commissions of Inner-party Control of All-Union Communist Party (Bolsheviks), consisting in liquidation of hooliganism and antisocial displays among the members of the party.

Keywords: Commissions of Inner-party Control, public moral norms, outrage, lawsuit, hooliganism, purge.

UDC 94(47+57)
